

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН)**

Научный доклад об основных результатах подготовленной
научно-квалификационной работы

**Социально-политические нарративы русских крестьян в период новой
экономической политики (1921 – 1928 гг.)**

Аспиранта

III курса очной формы обучения

М.С. Томчина

В работе рассмотрены политические нарративы русских крестьян в период НЭПа – то, как в устных текстах отражались образы советских руководителей и их противников, а также реакция сельских жителей на официальные мероприятия и актуальные политические события.

На сегодняшний день практически нет научных трудов, посвященных общему обзору социально-политических нарративов русских крестьян в первые советские десятилетия. Обычно они факультативно рассматриваются в рамках исторических исследований эпохи. Так, Ш. Фицпатрик в своем исследовании «Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня» видит в них прежде всего стратегию сопротивления, приводит большое количество крестьянских слухов и толков (деревенское сообщество она определяет как «мельницу слухов»), а также вскользь затрагивает апокалиптические сюжеты, характерные для «народной молвы». Подробнее на крестьянских политических нарративах останавливается Л. Виола в своей монографии «Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления», которая чаще обращается к слухам и разбирает основные типы апокалиптических текстов (о приходе Антихриста, о Божьей каре, о неизбежности войны и вторжения, о безбожности и аморальности коммунистов и о том, что введение колхозов – это начало нового крепостного права). Можно отметить также фундаментальную монографию В.П. Булдакова «Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920-1930 гг.», основное содержание которой посвящено анализу документов личного характера, многократно обращаясь к т.н. «письмам во власть».

До недавнего времени единственной работой обзорного характера о политических нарративах 1920-30-х гг. являлась статья А.С. Архиповой и С.Ю. Неклюдова «Фольклор и власть в закрытом обществе», вышедшая в сборнике «Русский политический фольклор», в которой показаны особенности развития «языка улицы» в условиях формирования и становления тоталитарного общества. Попытка рассмотреть и систематизировать слухи 1920-х годов предпринята в диссертационной работе Н.С. Петровой «Мифологические модели в неподцензурных текстах о советской власти 1917-1953 гг.».

Источники, в которых зафиксированы крестьянские политические нарративы 1920-х годов, представляют собой не сделанные собирателями записи устных текстов, но письменные документы, создававшиеся не для научных целей. Большинство используемых материалов – это опубликованные сводки органов государственной безопасности о настроениях среди крестьян. Некоторые сведения содержатся в опубликованных «письмах

во власть» - письмах с просьбами, жалобами и вопросами, которые граждане СССР направляли руководству страны, в партийные и государственные органы. Также были использованы материалы «Крестьянской газеты» - самого массового советского органа печати для жителей села, а также некоторых региональных периодических изданий. Важным источником стали публицистические издания 1920-х годов: книга «Газета и деревня» сотрудника подотдела печати ЦК ВКП(б) Я.М. Шафира и «Деревня при нэпе», изданная редакцией газеты «Беднота».

В этих источниках эти нарративы представлены прежде всего в виде текстов нестрогой достоверности, которые «собиратели» (чекисты, журналисты, фольклористы, этнографы и др.) определяли, как "слухи". Само это понятие трактовалось чрезвычайно широко. В докладе экспедиции Академии Наук 1922-1923 годов, которая занималась поисками Царевского метеорита, слухи определялись как «различные басни и бабушкины сказки», которые распространяет «обывательская стоустная молва». Важным качеством этих неподцензурных сообщений было то, что они были актуальны и казались вполне достоверными для их непосредственных слушателей и рассказчиков, поскольку последние интуитивно использовали риторические, патетические и эстетические приемы с целью создания "риторики истины".

Первый раздел посвящен социально-политическому контексту, в котором происходила коммуникация внутри сельских сообществ в 1920-х годах. Отмечается, что для Советского Союза эпохи НЭПа было характерно разделение на два общества и, соответственно, на два информационных поля: официальное и неподцензурное. Их «встреча» происходила в драматических условиях, что сказалось на характере рассматриваемых сообщений: большинство из них имеет конспирологическое содержание. Рассмотрен пропагандистский образ кулаков, которые, по мнению «собирателей» текстов (прежде всего, чекистов), являлись истинными авторами политических слухов. Кулакам приписывались демонические черты, подобные евреям из антисемитских текстов дореволюционного времени. Риск быть приписанными к этой маргинальной группе населения, которая поражалась в политических и экономических правах, преследовал многих крестьян. Вместе с межпоколенческим конфликтом эта опасность в значительной степени повышала градус социального напряжения внутри советской деревни.

Во втором разделе приводится краткий обзор путей формирования образа советской власти в крестьянских нарративах периода НЭПа. На него повлияло, с одной стороны, резкое сокращение культурной дистанции между городом и деревни и рост политической активности крестьян, а с другой – травматичный опыт гражданской войны и террора.

Подчеркивается различие в восприятии центрального и местного руководства. Центральная власть была персонифицирована в лице главных лидеров – прежде всего, Ленина и Троцкого, которые в крестьянских нарративах представлялись «царями». Местная власть нашла свое отражение в обобщенном образе «коммуниста», который наполнялся содержанием в зависимости от той или иной ситуации, от конкретного контекста и мог значительно отличаться даже внутри одного сельского сообщества.

Третий раздел посвящен неподцензурным сообщениям о налогах и поборах. Отмечается, что проблема налогообложения была ключевой во взаимоотношениях советской власти и крестьянства. Именно во время сдачи продналога происходила «встреча» обеих сторон информационного раскола. Большевистское руководство считало сбор продналога вопросом своей жизни и смерти. Для крестьян это был не только вопрос материального благополучия, но и постоянный источник угрозы оказаться в маргинальной, притесняемой группе кулаков. Именно поэтому продналог воспринимался представителями сельских сообществ как зло, и порождал потребность в «избавлении», что отразилось в сообщениях о налогах, многие из которых приобрели конспирологический характер.

В следующем разделе рассматриваются самые слухи о войне, которые чаще всего упоминаются в источниках. Подчеркивается, что ожидание «последней» войны занимало центральное место в официальном дискурсе. В свою очередь, крестьяне тоже ждали войны, и практически каждую новость истолковывали как предзнаменование скорого начала вооруженного конфликта. В военных слухах периода НЭПа отражались не столько апокалиптические настроения и страхи, сколько выражались надежды и ожидания, ведь будущая война, по мнению многих крестьян, должна будет принести избавление от коммунистов. Кроме того, рассматривается взаимодействие официального и неподцензурного дискурсов во время инициированных властью мобилизационных кампаний военных тревог в 1923, 1924 и 1927 годах. Моральная паника, охватившая деревню во время последней военной тревоги, стала одной из причин провала кампании и свертывания НЭПа.

Пятый раздел посвящен распространенной в указанное время «монархической версии» сообщений о возвращающихся «царях-избавителях». Отмечается, что образ прошлого, выраженный в привычной «монархической» риторике, служил для крестьян в качестве точки отсчета для формулирования альтернативной политической повестки. Проявление симпатии к старому строю было формой выражения недовольства новыми порядками. «Монархические» слухи рассматриваемого периода не только не являются

свидетельством «наивного монархизма» крестьян, а напротив, свидетельствуют о способности сельских жителей соотносить свои представления о верховной власти с конкретными политическими требованиями. Персона самого «избавителя» не играла для крестьян принципиального значения: в этом качестве могло выступать любое лицо, претендовавшее на власть в государстве.

В шестом разделе рассматриваются слухи о «варфоломеевской ночи». Эта идиоматическая конструкция, которая вошла в массовое употребление в период революции и гражданской войны, занимает видное место в крестьянских нарративах 1920-х годов. Она могла означать расправу, ожидаемую или уже совершенную, как над крестьянами, так и над представителями советской власти. Кроме того, жертвами «варфоломеевской ночи» неподцензурных текстов могли стать дети или домашний скот. Многие слухи о расправах носили конспирологический характер. В некоторых сообщениях «варфоломеевская ночь» приобретала эсхатологическую интерпретацию и становилась семантически близка к библейскому Страшному суду, воробьиной ночи восточнославянского фольклора, а также евангельскому избиению младенцев.

Последний раздел посвящен эсхатологическим сообщениям о «небесном камне» 1922-1923 годов. Отмечается, что многие события и явления, тем или иным образом связанные с политикой, в 1920-х годах приобретали эсхатологическую интерпретацию. С другой стороны, некоторые эсхатологические сюжеты, которые фиксировались задолго до периода НЭПа, в это время приобретали новый, политический подтекст. Так в слухах 1922-1923 годов один из распространенных апокалиптических мотивов – «камень с небес» - стал в глазах крестьян предзнаменованием волнующих их политических событий – скорой войны, отмены поборов и избавления от коммунистов.